

BBC

THE WORLD'S BEST-SELLING CLASSICAL MUSIC MAGAZINE

Claim your FREE download every week at www.bbcmusicmagazine.com

music

RETURN OF THE RUSSIAN

DMITRI HVOROSTOVSKY

The baritone who beat Bryn is back to his mighty best

115
REVIEWS
CDS, DVDS &
BOOKS
see p67

Susana Walton

The sour truth behind her marriage to William

Composers in residence

Visit the homes where masterpieces were born

ALSO IN THIS ISSUE

Carnival of the Animals

The liveliest recordings of Saint-Saëns's musical menagerie

Erik Satie

Method in his madness? The French composer explored

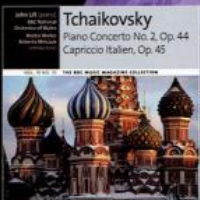
ON YOUR FREE CD

An incredible concerto performance by *John Lill*

BBC RADIO

Plan your June Radio 3 listening with our complete guide to the month's programmes

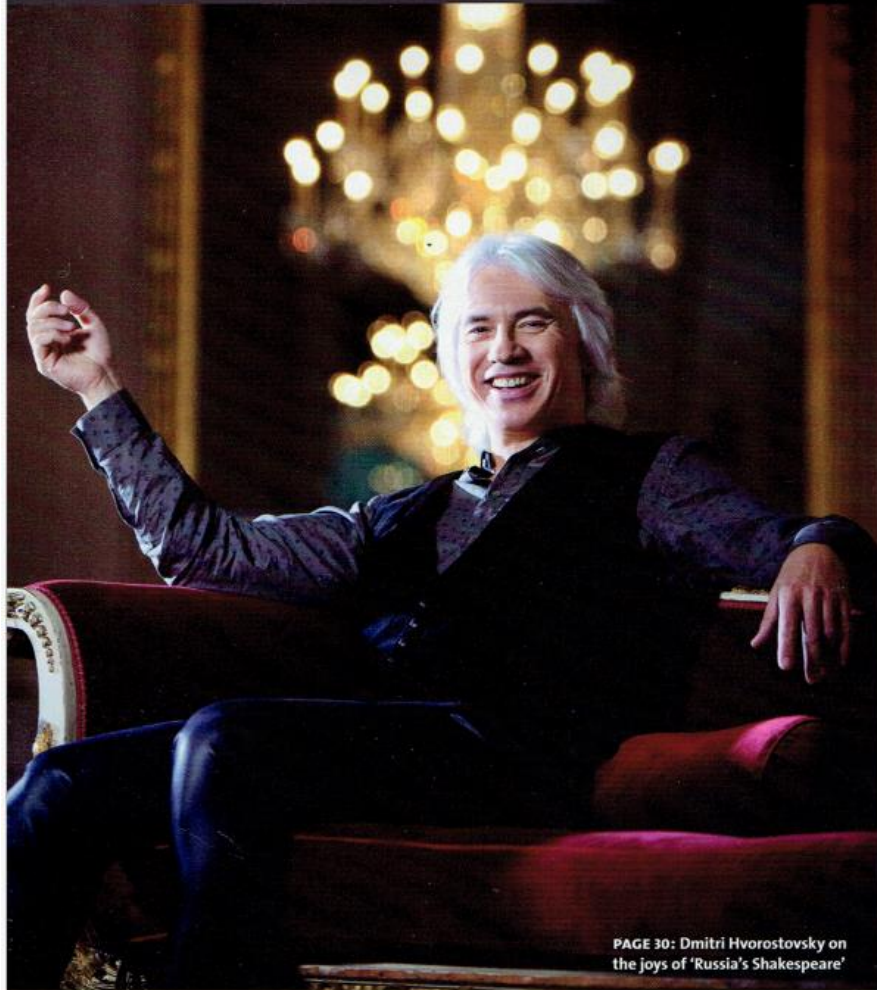
Every month, hear great artists perform complete works, including new and archive BBC recordings. If your CD is missing, please see your newsagent

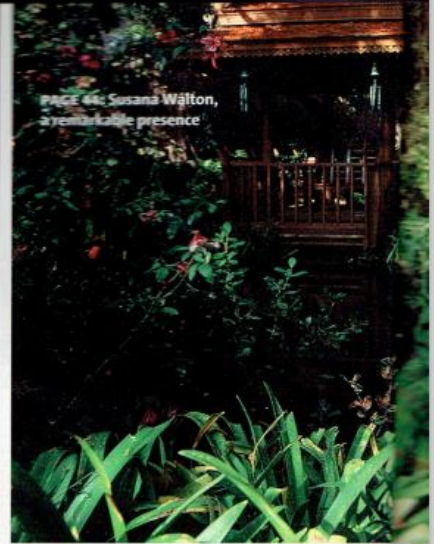
JUNE 2010

US\$9.99

UK £4.60 / CAN \$9.99

PAGE 30: Dmitri Hvorostovsky on the joys of 'Russia's Shakespeare'

PAGE 44: Susana Walton, a remarkable presence

PAGE 56: Erik Satie is Composer of the Month

CONTENTS

EVERY MONTH

3 A Month in Music

What we're looking forward to in June

7 On your June CD

8 Letters

12 The Full Score

Musicians in volcano havoc; David Zinman quits Aspen Festival; Jennifer Higdon's Pulitzer glory; plus all the latest happenings on the web

29 Richard Morrison

Can laws prevent illegal file-sharing? Get real...

54 Musical Destinations

Daniel Jaffé is inspired by Usedom, Germany

56 Composer of the Month

Gerald Larner on the wide-ranging compositions of Erik Satie, the great Parisian eccentric

62 Building a Library

The best recordings of Saint-Saëns's *Carnival of the Animals*, plus some fine works to try next

108 Audio

Our guide to the best new hi-fi

112 Radio & TV

Full Radio 3 listings plus UK TV musical highlights for the month ahead

120 Crossword & Quiz

This month's quiz has a fishy flavour

122 Music that Changed Me

Film director Peter Greenaway

FEATURES

24 RPS Awards

Full details of the awards for live performance

30 Dmitri Hvorostovsky

As the brilliant Russian tells *Hugh Canning* about celebrating his heritage with a Pushkin-led CD

36 Composers at home

David Nice gives a guided tour of the most inspiring composers' houses in Europe

44 Susana Walton

Michael White pays tribute to the extraordinary devotion of the wife of the British composer

50 Cameron Carpenter

The organ virtuoso talks to *John Allison*

VOICE OF RUSSTA

His 'Battle of the Baritones' with Bryn Terfel in 1989 may have propelled Dmitri Hvorostovsky onto the worldwide stage but, he tells **Hugh Canning**, he has not forgotten his cultural roots, as his new disc of Pushkin-inspired songs will reveal...

PHOTOGRAPHY JAMES CHEADLE

It hardly seems possible that more than 20 years have passed since Dmitri Hvorostovsky, a handsome, astonishingly mature 26-year-old from Krasnoyarsk in Siberia, clinched the title of Cardiff (now BBC Cardiff) Singer of the World. In doing so, he beat the favourite, Welsh bass-baritone Bryn Terfel, in what has since become known as the 'Battle of the Baritones'. Both have gone on to enjoy two of the most illustrious international careers in music today and reach out to audiences way beyond the confines of opera houses, symphonic and recital halls.

NOW 47, HVOROSTOVSKY is in his vocal pomp, acclaimed as the definitive Eugene Onegin, Tchaikovsky's Byronic world-weary anti-hero, of his generation, yet also regarded as the world's leading interpreter of the lyric Verdi roles. In April he sang Giorgio Germont in Covent Garden's *La traviata*, and next season he returns in the title role of David McVicar's staging of *Rigoletto*.

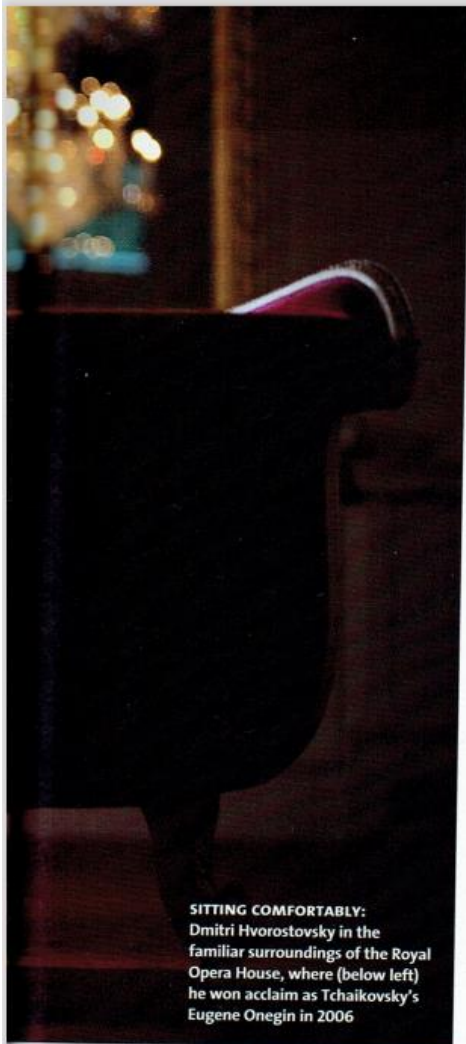

This month sees him celebrate the 20th anniversary of his Wigmore Hall debut, reprising his 1990 programme of Tchaikovsky and Rachmaninov songs and, to coincide, Delos will release a successor to his

'IT IS A FANTASTIC IDEA TO RECORD PUSHKIN SONGS. I DON'T THINK ANY OF MY COMPATRIOTS HAVE DONE IT'

acclaimed set of Tchaikovsky songs, a recital of romances by Russian composers from Glinka (1804-1857) to Sviridov (1915-1998) setting the words of the great Russian poet, Alexander Pushkin. And it's Pushkin that begins our conversation when we meet in London. 'For Russians, Pushkin is like Shakespeare to the English-speaking people, Heine or Goethe to Germans,' he explains. 'At school every child is obliged to read Pushkin – his novels, his tragedies. His prose-writing is considered as important as his poetry.'

Outside Russia, Pushkin is probably best known as the author of the novellas, tales, dramas and poems that inspired some of the greatest Russian operas: Musorgsky's *Boris Godunov*, Tchaikovsky's *Eugene Onegin* and *Queen of Spades* remain the cornerstones of the Russian 'international' repertoire, but his work is also the basis of Glinka's *Ruslan and Lyudmilla*, Darghomizhky's *The Stone Guest* and *Rusalka*, Rimsky-Korsakov's *Mozart and Salieri*, *The Legend of Tsar Saltan* and *The Golden Cockerel*, Rachmaninov's *Aleko* and

SITTING COMFORTABLY: Dmitri Hvorostovsky in the familiar surroundings of the Royal Opera House, where (below left) he won acclaim as Tchaikovsky's Eugene Onegin in 2006

RUSSIAN REVOLT FONT COURTESY OF ION MELTON/EMFOUNDRY.COM, LEIBERCHT

The Miserly Knight and Stravinsky's *Mavra*. Most of these composers also set his poems as songs and Hvorostovsky has selected an eclectic programme for the new disc.

'It's a fantastic idea to record Pushkin songs,' he enthuses, 'because I don't think any of my compatriots have done it before – if one did, it might have been Irina Arkhipova. Pushkin is one of the most celebrated poets in Russia so I guess that every major Russian composer from Glinka onwards has set his poems: Tchaikovsky, Rimsky, Anton Rubinstein, Borodin, Darghomizhky. It's the difference of styles from Glinka, who established the bel canto style and singing technique in Russia, that interests me and this is a little jewel box, full of unknown treasures.'

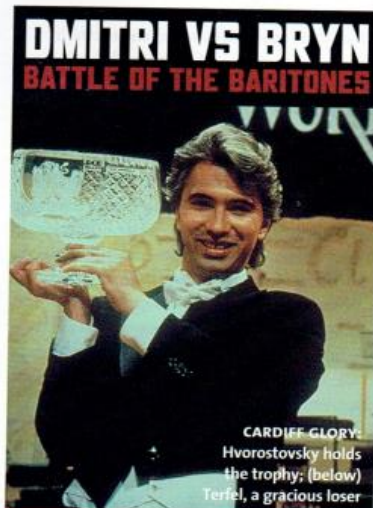
The mention of the bel canto in a Russian context takes us on to the subject of the singers who made a strong impression on him

when he was growing up in a music-loving family in Krasnoyarsk in the 1960s. A brief history of Russian opera singing follows. 'Chaliapin, Nezhdanova and Sobinov – the great sacred monsters of Russian singing at the turn of the 20th century – all studied in Italy,' he says. 'The "school" was purely Italian. After the Revolution, the curtain came down for 60 years and the style changed to a kind of melodramatic declamation. Those great voices were shouting on stage – (Pavel) Lisitsian and Arkhipova are the exceptions. The greatness of Arkhipova is her Italianate singing voice – legato, cantilena.

'Then in the 1960s, with Krushev's great thaw in relations with the West, a collaboration started between La Scala, Milan and the Bolshoi Opera in Moscow. La Scala sent its ballet dancers to the Bolshoi and the Bolshoi sent its singers, (Yuri) Mazurok, (Evgenia) Obratzova, (Vladimir) Atlantov, to La Scala. Another advantage of the thaw was that the curtain opened slightly and a small stream of information came through from the West. I spent the little pocket money I had buying opera recordings with Western singers – everything published in the 1950s, '60s and '70s was issued in the Soviet Union by Melodiya as part of a reciprocal deal with Decca, Deutsche Grammophon, EMI. I've got a huge collection of Western records, now all on CD, of course. Back then it gave me a chance to study the Western repertoire.'

It comes as something of a surprise, then, to discover that Hvorostovsky, with his immaculately schooled, Italianate *baritono nobile*, is largely self-taught. 'I don't believe in singing teachers!' he exclaims. 'I believe in people who can study well. If you compare the Soviet to the American approach to voice training, it's like day and night. An American student has to find the money to pay a teacher for a one-hour lesson. Within two years, if they are lucky, they can get auditions. In the Russian system it takes five years of study in the conservatory. Everything is given to you by the state and you study piano, *solfege*, musicology, theory. I've studied music since I was seven, piano, conducting, choral singing as well as voice. I even studied the accordion as a second instrument.'

He was, he points out, one of the first of a generation that could both benefit from the advantages of the Soviet education system and then be able to export their talents abroad – only an approved Soviet elite, mainly from the Bolshoi Opera, had big international careers prior to the late 1980s but changes were already afoot when the then Kirov Opera made its sensational visit to Covent Garden under the direction of Yuri ▶

CARDIFF GLORY: Hvorostovsky holds the trophy; (below) Terfel, a gracious loser

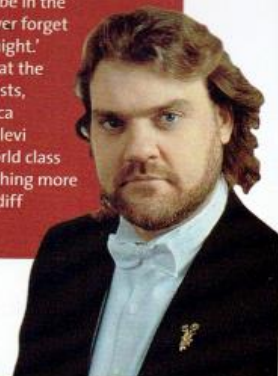
The 1989 final of the BBC Cardiff Singer of World is still the most talked about in the prestigious competition's history. Dubbed 'The Battle of the Baritones' it pitched a 26-year-old Dmitri Hvorostovsky against the local hero, 23-year-old Bryn Terfel... and the Russian's Verdi famously triumphed over the Welshman's Wagner.

Though Terfel was awarded the Lieder Prize for his performance of Schumann songs earlier in the competition, he later graciously admitted that he saw it as 'a second prize to a wonderful Russian baritone' and that, when he first heard Hvorostovsky sing, 'I would have been the first to sign on to his fan club. Incredible.'

'I WAS STUPID ENOUGH TO TURN ON THE RADIO AND LISTEN TO HIS PERFORMANCE'

Hvorostovsky himself admitted that hearing Terfel in the final didn't help his own cause. 'I was stupid enough to turn on the radio and listen to his performance,' he recalled in 2003. 'It didn't do me any good, as it made me extra nervous.'

Not that nervous, clearly, given the performance that followed. As Brian McMaster, the former managing director of Welsh National Opera and a Cardiff Singer jury member, remembers: 'Those of us who were lucky enough to be in the hall that night will never forget it. It was an amazing night!' So amazing, in fact, that the baritones' fellow finalists, including mezzo Monica Groop and soprano Hillevi Martinpelto – both world class – rarely appear as anything more than a footnote in Cardiff Singer history.

Temirkanov and introduced an ensemble of wonderful singers of whom only baritone Sergei Leiferkus was at all familiar to British audiences. By the time Hvorostovsky reached his twenties, he was prepared to fly.

'I was well-treated by the state when I won several competitions in a row. Cardiff Singer of the World was, of course, the most prestigious and important. After my career began outside Russia, I was gradually moved to Moscow from Krasnoyarsk. I was given an apartment in Moscow as my reward for winning Cardiff. That was typical of the way the Soviet system treated its celebrities at the time. Boris Yeltsin, our new president, gave me an apartment in the centre of Moscow.'

Hvorostovsky and Terfel have been two of the great operatic survivors of our time

with uninterrupted careers now stretching back 25 years in the Russian's case, 20 in the Welshman's. Have their paths crossed much since the Battle of the Baritones? 'Well, how could they have?' he quizzes. 'We sang one production of *Le nozze di Figaro* in Salzburg with Bryn as Figaro and me as the Count, but we don't have much repertoire in common. We never sang Don Giovanni and Leporello for instance. I don't do *Don Giovanni* any more.' Those looking for rivalry here will be disappointed. In short, their repertoires have moved apart – Hvorostovsky's in the direction of Verdi, Terfel's toward the Wagnerian *Heldenbaritons*, Wotan-Wanderer and Hans Sachs.

I wonder aloud how Hvorostovsky has managed to acquire and maintain a bel

DMITRI HORROR STORY: looking scary in *Toi et Moi*

canto technique without relying on singing teachers. What is the secret of his vocal health and longevity? 'Well, the voice is the basic material, and to use this material, to become a musician, singer and actor takes a lifetime. Of course it's very much to do with your training and what you learn in the right place at the right time. It's like a seed in the soil when it grows in the right climate, supply of water and minerals, it can become a wonderful flower. If anything goes wrong, it dies. It's very much the same when you try to become a singer. It's not enough to have a beautiful voice, you have to learn to express yourself and enable an audience to share the emotions you are expressing on stage. That needs another gift.'

A surprising development in his career – well, a surprise to me – is his recent metamorphosis into a popular, big-arena singer, especially back in Russia, but increasingly in Europe and the US. While I've come primarily to talk about his Wigmore anniversary and Pushkin disc, he seems keen to talk about this new (and undoubtedly lucrative) branch of his musical activity.

'Haven't you seen the video of *Toi et Moi*?' he asks me, and I have to confess I haven't. When I get back to my computer I follow his search-engine instructions of the YouTube site to discover at least 30,000 people have been there before me. I rather wish I hadn't. The video is a bizarre Gothick, sado-masochistic soft-porn sequence in which a lightly, but leather-clad Hvorostovsky, sporting a buffed torso with a cross-shaped scar over one nipple, struts his stuff among scantily clad women – one of whom he whips until she bleeds – and a gaggle of creepy ghouls. Hmmm. It looks like *Don Giovanni* in hell, but the music is thin, moody retro-1950s stuff by Russian composer Igor Krutoy, who has written an album's worth of songs in Russian, French and Italian. Needless to say, the baritone doesn't wear the SM-gear in concerts.

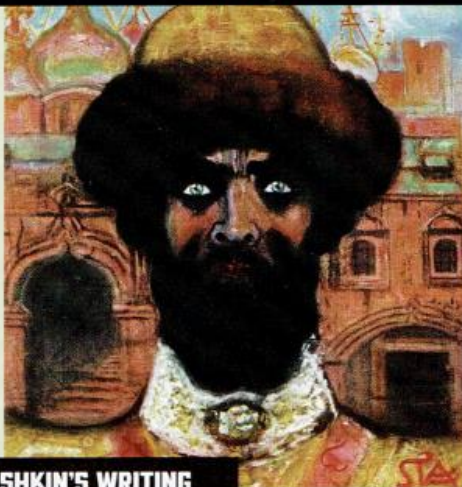
'I performed the songs from the album in November last year in Moscow, St Petersburg

ALEXANDER PUSHKIN WHO WAS HE?

Alexander Pushkin (1799-1837) is of all poets Russia's most beloved, widely quoted and extensively set to music. Hot tempered and apparently conceited in person, in his writing he displayed a deft if often sardonic wit, keen and often compassionate observation and a worldliness which recalled the English poet he most admired, Lord Byron.

What makes his achievement extraordinary, though, is that he managed to express all this in Russian, a language that had been previously despised by all educated Russians as belonging to peasants and much inferior to French. While Pushkin shared their admiration of French literature, he was able to match its qualities – and more – while writing in his native tongue. Besides poetry, Pushkin pioneered almost every significant genre in Russian literature including historic drama (*Boris Godunov*), historical romance (*Poltava*: the basis of Tchaikovsky's opera *Mazeppa*), the novel (*Eugene Onegin*), and the supernatural tale (*Queen of Spades*).

Perhaps ironically, Pushkin was never a connoisseur of music. He regularly tripped over people's feet as he arrived late for the ballet, which he attended entirely to ogle the ladies. Yet he was fascinated by Mozart: the opera *Don Giovanni* inspired his own drama *The Stone Guest* (itself turned into an opera by Dargomyzhsky), and

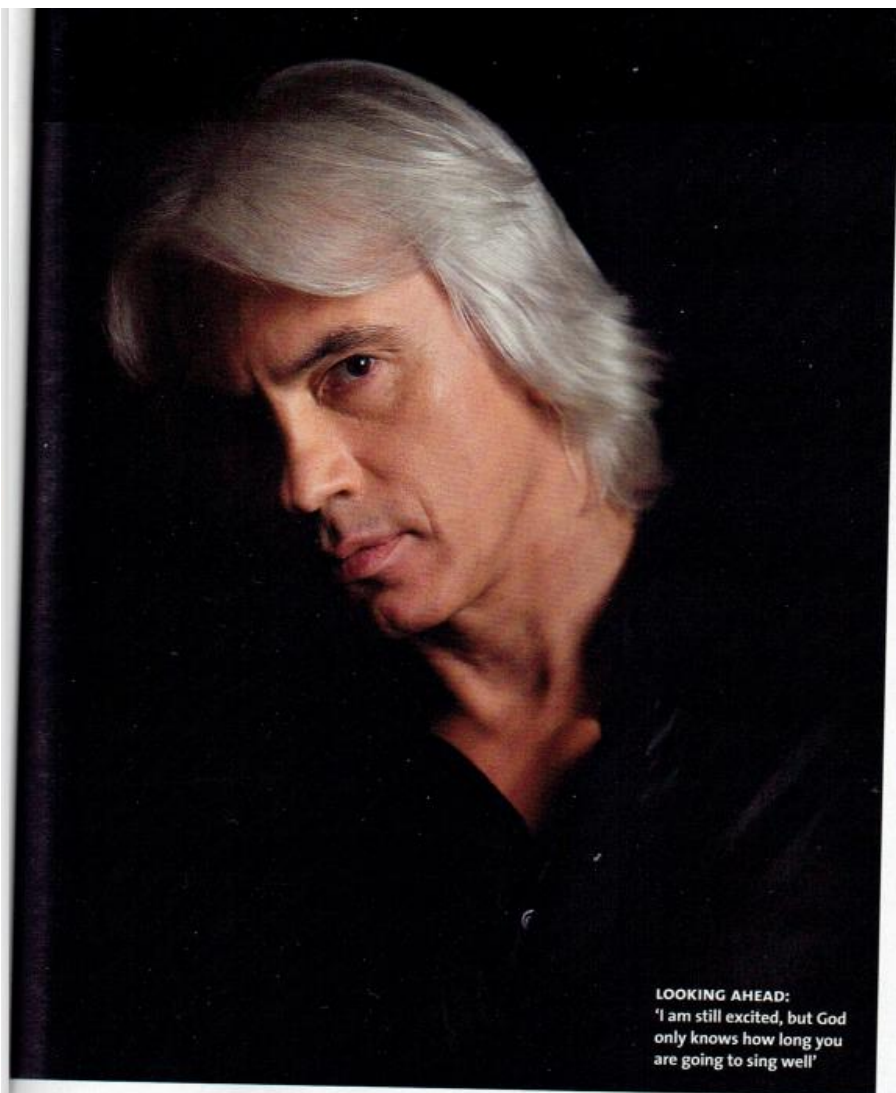

PUSHKIN'S WRITING DISPLAYED A DEFT WIT AND KEEN OBSERVATION

he wrote a dramatic scene concerning the relationship between Mozart and Salieri (which Rimsky-Korsakov made into an opera). He was also acquainted with Glinka, who hoped the poet would adapt his folkloric-style epic *Ruslan and Ludmila* into a libretto for operatic setting: alas, only months after the historic premiere of Glinka's *A Life for the Tsar*, Pushkin was shot in a duel which he himself had called to defend his wife's honour.

RUSSIAN ICONS: Alexander Pushkin himself (left); a portrait of bass Feodor Chaliapin as Boris Godunov (above)

LOOKING AHEAD:
'I am still excited, but God only knows how long you are going to sing well'

'I'VE HAD A LOT OF ARENA CONCERTS, BUT I'M PLANNING TO MAKE IT UP TO MY RECITAL AUDIENCES'

and Kiev, six concerts almost consecutively to audiences of six, seven and ten thousand. It's a mixture of pop, electronic and quasi-operatic. There's a lot of singing – high notes, low notes, very uncomfortable to sing by the way, but using the microphone makes it easier. Maybe it's my future,' he suggests with a twinkle in his eye and a slightly questioning tone that suggests he is not entirely serious. 'I've been using microphones already for a long time, so I have gradually come to terms with microphone technique. If you use your

full operatic technique with a microphone it sounds too harsh and uneven. I've learnt that a little, but it's a long journey and nobody knows what's going to happen in a few years time. Maybe a little musical, maybe a Soviet pop-opera, who knows?'

Anyone who fears that Hvorostovsky's days as a star of opera-house and concert platform may be numbered can relax. He is booked by his favourite opera houses – Covent Garden, New York's Met, Vienna State Opera, Munich, Berlin and the Opéra-Bastille – up

to five years ahead. Next season he returns to the Royal Opera – 'which I consider my home house as I live in London' – as Rigoletto and the following season as Valentin in Gounod's *Faust*. He recently took Verdi's Simon Boccanegra into his repertoire – 'most of the Verdi I sing belongs to the epoch of bel canto and that's how I like to sing it. Boccanegra is partly bel canto, partly late Verdi style,' he says – and he plans to learn Iago, but probably not before his 50th birthday. Another Verdi role that interest him is Don Carlo in *La Forza del destino*: 'I recently sang the duet in one of my *Hvorostovsky and Friends* concerts in Moscow with Jonas Kaufmann and I would love to sing the opera with him if he ever does it!'. But he's happy to leave Amonasro in *Aida* – 'too short and I'm too busy' – to others.

His schedule is so hectic that he rarely has time to spend with his four children – two each with his ex and present wives – in London. Straight classical recitals such as his Wigmore date, which take long hours of preparation, have been rare of late. 'Apart from the opera I sing, I've had a lot of "gala" and arena concerts, but I'm planning to make it up to my recital audiences in the coming seasons. I regularly sing at the Barbican and Carnegie Hall. New York and London are very much more advanced than the rest of the world in terms of the programmes I offer. I don't have time to study between engagements!' he complains. 'The new programme is Liszt (*Petrarch Sonnets*), Fauré, Tancayev and the last opus of Tchaikovsky. As a chorus conductor, I had to study a lot of Tancayev's music and I hated it, but recently I discovered a huge pile of great music among his songs. I chose five or six out of a two big volumes. I had to fly my pianist to Florida, where I was on holiday with my family, to do some preparation. It's not memorised but it's nearly ready.'

With his tentative moves towards crossover, I ask him if he is still finds fulfilment and excitement in his classical work. I get a surprisingly diffident reply. 'Sort of,' he mutters. 'I'm 47 now and life is full of struggles, with lots of responsibilities. I am still excited but only God knows how long you are going to sing well and enjoy it. I probably anticipate more than anyone else because I am too critical of my performance, so I think when the time comes to go I will know.'

One can only hope that it won't come too soon for the outstanding 'noble baritone' of the day. ■

Dmitri Hvorostovsky's Wigmore Hall recital is on 11 June; his new disc of Pushkin songs (Delos) will be reviewed next month.

Обложка:

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИЯНИНА Дмитрия Хворостовского

Баритон, победивший Брина, вернулся к своей лучшей форме

Содержание:

Дмитрий Хворостовский

Гениальный русский рассказывает Хью Каннингу об обращении к корням и диске на стихи Пушкина.

ГОЛОС РОССИИ

Его "Битва баритонов" с Брином Терфелем в 1989 году, возможно, и вывела Дмитрия Хворостовского на мировую сцену, но, как он говорит Хью Каннингу, он не забыл о своих культурных корнях, о чём свидетельствует его новый диск романсов, вдохновленных Пушкиным...

Кажется невероятным, что прошло более 20 лет с тех пор, как Дмитрий Хворостовский, красивый, удивительно зрелый 26-летний парень из Красноярска в Сибири, завоевал титул Кардиффского (ныне Би-би-си Кардифф) певца мира, победив в называемой теперь «Битве баритонов» фаворита, уэльского бас-баритона Брина Терфеля. Оба сделали две самые выдающиеся международные карьеры в современной музыке, выйдя на аудиторию далеко за пределы оперных театров, симфонических и концертных залов.

«ЭТО ПРЕКРАСНАЯ МЫСЛЬ - ЗАПИСАТЬ ПУШКИНСКИЕ РОМАНСЫ. ПО-МОЕМУ, НИКТО ИЗ МОИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ НЕ ДЕЛАЛ ЭТО».

В свои 47 лет ХВОРОСТОВСКИЙ в самом вокальном великолкеепии, он признан непревзойденным Евгением Онегиным, байроническим антигероем Чайковского, уставшим от мира, своего поколения, но в то же время считается ведущим в мире интерпретатором лирических партий Верди. В апреле он спел Жоржа Жермона в "Травиате" в Ковент-Гардене, а в следующем сезоне возвращается в главной роли в постановке Дэвида Маквикара "Риголетто". В этом месяце он празднует 20-ю годовщину своего дебюта в Wigmore Hall, повторяя свою программу романсов Чайковского и Рахманинова 1990 года, и, по совпадению, Delos выпустит продолжение успешного диска романсов Чайковского, сольный концерт романсов русских композиторов от Глинки (1804-1857) до Свиридова (1915-1998) на слова великого русского поэта Александра Пушкина. И именно с Пушкина начинается наш разговор, когда мы встречаемся в Лондоне. Для русских Пушкин – как Шекспир для англичан, Гейне или Гёте для немцев, объясняет он. В школе каждый ребёнок обязан читать Пушкина – его романы, трагедии. Его прозаическое творчество считается не менее важным, чем его поэзия.

За пределами России Пушкин более известен как автор повестей, сказок, драм и стихотворений, лёгших в основание некоторых из величайших русских опер: "Борис

Годунов" Мусоргского, "Евгений Онегин" и "Пиковая дама" Чайковского, которые остаются краеугольными камнями российского "международного" репертуара. Его творчество послужило основой и для "Руслана и Людмилы" Глинки, "Каменного гостя" и "Русалки" Даргомыжского, "Моцарта и Сальери", "Сказки о царе Салтане", "Золотого петушка" Римского-Корсакова, "Алеко" и "Скупого рыцаря" Рахманинова, "Мавры" Стравинского. Большинство из этих композиторов также создали романсы на его стихи. Для нового диска Хворостовский выбрал эклектичную программу.

"Это прекрасная мысль - записать романсы Пушкина, - с воодушевлением говорит он, - не думаю, что кто-то из моих соотечественников делал это раньше - если кто-то и делал, то это была Ирина Архипова. Пушкин - один из самых известных поэтов в России, думаю, каждый крупный русский композитор, начиная с Глинки, писал на его стихи: Чайковский, Римский, Антон Рубинштейн, Бородин, Даргомыжский. Именно отличие стилей от Глинки, основателя стиля бельканто и техники пения в России, интересует меня, это маленькая шкатулка, полная неведомых сокровищ."

Упоминание бельканто в российском контексте подводит нас к теме певцов, которые произвели на него сильное впечатление, когда он рос в любящей музыку семье в Красноярске в 1960-х годах. Далее следует краткая история русского оперного пения. "Шаляпин, Нежданова и Собинов - великие священные монстры русского пения на рубеже 20-го века - все учились в Италии", - говорит он. "Школа" была чисто итальянской. После революции занавес опустился на 60 лет, и стиль изменился на своего рода мелодраматическую декламацию. Эти великие голоса кричали на сцене - (Павел) Лисициан и Архипова - исключение. Величие Архиповой - в её итальянском певческом голосе - легато, кантилена. Затем, в 1960-х годах, во время великой оттепели в отношениях Хрущёва с Западом, началось сотрудничество между Миланской "Ла Скала" и Московским Большим театром. Ла Скала отправила своих артистов балета в Большой театр, а Большой театр отправил своих певцов (Юрий) Мазурок, (Елена) Образцова, (Владимир) Атлантов в Ла Скала. Ещё одним преимуществом оттепели было то, что занавес слегка приоткрылся, и с Запада просочился небольшой поток информации. Я тратил те небольшие карманные деньги, которые у меня были, на покупку записей опер с западными певцами - всё, что было издано в 1950-х, 60-х и 70-х годах, было выпущено в Советском Союзе компанией "Мелодия" в рамках взаимной сделки с Decca, Deutsche Grammophon, EMI. У меня огромная коллекция западных пластинок, теперь, конечно, всё на компакт-дисках. Тогда это дало мне возможность изучить западный репертуар".

Поэтому кажется удивительным, что Хворостовский, с его безукоризненно вышколенным итальянским *благородным баритоном*, в значительной степени самоучка. "Я не верю, что пению можно научить", - восклицает он. "Я верю в людей, которые могут хорошо учиться. Если сравнить советский и американский подходы к обучению вокалу, то это как день и ночь. Американский студент должен найти деньги, чтобы заплатить учителю за одночасовой урок. В течение двух лет, если им повезёт, они смогут пройти прослушивание. В российской системе для этого

требуется пять лет обучения в консерватории. Всё вам даёт государство, и вы изучаете фортепиано, сольфеджио, теорию музыки. С семи лет я изучал фортепиано, дирижирование, хоровое пение, а также вокал. Я даже изучал баян как второй инструмент”.

Он был, как он сам отмечает, одним из первых представителей поколения, которое смогло воспользоваться преимуществами советской системы образования, а затем продемонстрировать свои таланты за границей – до конца 1980-х годов только официально признанная советская элита, в основном из Большого театра, имела большие международные карьеры, но изменения уже начались, когда во время сенсационных гастролей в Ковент-Гардене под руководством Юрия Темирканова Кировская опера представила ансамбль замечательных певцов, из которых только баритон Сергей Лейферкус был хорошо знаком британской публике. К своим 26 годам Хворостовский был готов к взлёту.

”Государство хорошо отнеслось ко мне, когда я выиграл несколько конкурсов подряд. Кардиффский «Певец мира» был, конечно, самым престижным и важным. После начала моей карьеры за пределами России я постепенно переехал из Красноярска в Москву. В качестве награды за победу в Кардиффе мне дали квартиру в Москве. Это было типично для того, как советская система относилась к своим знаменитостям в то время. Борис Ельцин, наш новый президент, подарил мне квартиру в центре Москвы.”

Хворостовский и Терфель – два великих оперных артиста нашего времени, чья непрерывная карьера длится уже 25 лет у русского и 20 у валлийца. Часто ли пересекались их пути после битвы баритонов? “А как они могли пересечься?” – интересуется он. “Мы пели одну постановку “Свадьбы Фигаро” в Зальцбурге: Брин исполнял роль Фигаро, а я – Графа, но у нас не так много общего репертуара. Мы никогда не пели Дон Жуана и Лепорелло, например. Я больше не исполняю “Дон Жуана”. Те, кто ищет здесь соперничества, будут разочарованы. Словом, их репертуары разошлись – у Хворостовского в сторону Верди, у Терфеля – в сторону вагнеровского драматического бас-баритона, Вотана-Странника и Ганса Сакса.

Я недоумеваю вслух, как Хворостовскому удалось освоить и поддерживать технику бельканто, не полагаясь на вокальных педагогов. В чём секрет его вокального здоровья и долголетия? “Ну, голос – это основной материал, и чтобы использовать этот материал, стать музыкантом, певцом и актёром, требуется целая жизнь. Конечно, это во многом зависит от твоего обучения и от того, чему ты учишься в нужном месте и в нужное время. Это как семя в почве, когда оно растёт в правильном климате, получает воду и минералы, оно может стать прекрасным цветком. Если что-то пойдёт не так, оно погибает. Это очень похоже на то, когда ты пытаешься стать певцом. Недостаточно иметь красивый голос, ты должен научиться выражать себя и дать возможность аудитории разделить эмоции, которые ты выражаешь на сцене. Для этого нужен другой дар.”

Удивительным событием в его карьере - ну, сюрпризом для меня – стало его недавнее превращение в популярного эстрадного певца, особенно в России, но всё чаще в Европе и США. Хотя я пришёл в первую очередь поговорить о его Вигморском юбилее и Пушкинском диске, он, похоже, больше хотел поговорить об этой новой (и, несомненно, прибыльной) ветви своей музыкальной деятельности.

“Ты видел видео "Toi et Moi"?” – спрашивает он меня, и я вынужден признаться, что не видел. Вернувшись к своему компьютеру и следуя его инструкциям по поиску в поисковой системе сайта YouTube, обнаруживаю, что по крайней мере 30 000 человек уже побывали там до меня. Лучше бы я этого не делал. Видео представляет собой странный готический садо-мазохистский софт-порно ряд, в котором одетый в кожу Хворостовский, с отполированным торсом и крестообразным шрамом над грудью, гордо выступает среди откровенно одетых женщин, одну из которых он хлещет до крови, и толпы жутких упырей. Хммм... Это выглядит как "Дон Жуан" в аду, но музыка - тонкая, мрачная ретро-музыка 1950-х годов русского композитора Игоря Крутого, написавшего альбом песен на русском, французском и итальянском языках. Излишне говорить, что баритон не носит это на концертах.

“У МЕНЯ БЫЛО МНОГО КОНЦЕРТОВ НА ЭСТРАДЕ, НО Я ПЛАНИРУЮ КОМПЕНСИРОВАТЬ ЭТО СВОИМИ СОЛЬНЫМИ ВЫСТУПЛЕНИЯМИ.”

"Я исполнял песни из этого альбома в ноябре прошлого года в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве, шесть концертов почти подряд перед аудиторией в шесть, семь и десять тысяч человек. Это смесь поп-музыки, электроники и квази-оперы. Там много пения – высокие ноты, низкие ноты, петь, кстати, очень неудобно, но использование микрофона облегчает задачу. Может быть, это моё будущее”, - предполагает он с искоркой в глазах и слегка вопросительным тоном, который говорит о том, что он не совсем серьёзен. “Я уже давно пользуюсь микрофонами, так что постепенно свыкся с микрофонной техникой. Если используешь свою полную оперную технику с микрофоном, это звучит слишком резко и неровно. Я немного научился этому, но это долгий путь, и никто не знает, что будет через несколько лет. Может быть, небольшой мюзикл, может быть, советская поп-опера, кто знает?”

Кто опасается, что дни Хворостовского как звезды оперных театров и концертных площадок сочтены, может расслабиться. Его любимые оперные театры - Ковент-Гарден, нью-йоркский Метрополитен, Венская государственная опера, Мюнхен, Берлин и Опера-Бастилия – бронировали его выступления на пять лет вперёд. В следующем сезоне он возвращается в Королевскую оперу - "которую я считаю своим домом, поскольку живу в Лондоне" - в роли Риголетто, а в следующем сезоне - в роли Валентина в "Фаусте" Гуно. Недавно он включил в свой репертуар "Симона Бокканегру" Верди - "большая часть Верди, которого я пою, относится к эпохе бельканто, и именно так мне нравится его петь. Бокканегра - это отчасти бельканто, отчасти стиль позднего Верди", - говорит он, - и он планирует выучить Яго, но, вероятно, не раньше своего 50-летия. Другая вердиевская роль, которая его

интересует, - Дон Карло в "Силе судьбы": "Я недавно пел дуэтом в одном из концертов "Хворостовский и друзья" в Москве с Йонасом Кауфманом, и я бы с удовольствием спел с ним эту оперу, если он когда-нибудь это сделает". Но он счастлив уступить другим Амонасро в "Аиде" - "очень маленькая, а я очень занят".

Его график настолько напряжённый, что он редко успевает провести время со своими четырьмя детьми - по двое с бывшей и нынешней жёнами - в Лондоне. Непосредственно классические концерты, такие как его сегодняшний в Вигмор-холле, требующие долгих часов подготовки, в последнее время были редкостью. "Помимо оперы, которую я пою, у меня было много "гала" и эконцертов на эстраде, но в ближайшие сезоны я планирую наверстать упущенное сольными концертами. Я регулярно пою в Барбикане и Карнеги-холле. Нью-Йорк и Лондон намного более продвинуты, чем остальной мир, с точки зрения программ, которые я предлагаю. У меня нет времени заниматься между выступлениями!" – жалуется он. "В новой программе - Лист ("Сонеты Петрарки"), Форе, Танеев и последний опус Чайковского. Как дирижёру хора мне приходилось изучать много музыки Танеева, и я её ненавидел, но недавно я обнаружил среди его романсов огромное количество великой музыки. Из двух больших томов я выбрал пять или шесть романсов. Мне пришлось пригласить своего пианиста во Флориду, где я отдыхал со своей семьёй, чтобы немного подготовиться. Она не заучена наизусть, но почти готова".

Учитывая его осторожные шаги в сторону кроссовера, я спрашиваю его, находит ли он по-прежнему удовлетворение и удовольствие в своей классической работе. И получаю удивительно сдержанный ответ. "Вроде того!" – бормочет он. "Мне 47, и жизнь полна борьбы и ответственности. Я всё ещё увлечён, но только Бог знает, как долго ты будешь хорошо петь и получать от этого удовольствие. Вероятно, я ожидаю большего, чем кто-либо другой, потому что я слишком критичен к своей работе, поэтому я думаю, что почувствую, когда придёт время уйти".

Остаётся только надеяться, что оно не наступит слишком рано для выдающегося "благородного баритона" современности.

Дмитрий против Брина: Битва баритонов

(фото: Кардиффский триумф: Хворостовский держит награду; (ниже) Терфель, великодушный проигравший)

Финал Кардиффского конкурса BBC «Певец мира» 1989 года по-прежнему остаётся самым обсуждаемым в истории этого престижного конкурса. Названный "Битва баритонов", он поставил 26-летнего Дмитрия Хворостовского против местного любимца, 23-летнего Брина Терфела... и Верди русского, как известно, одержал победу над Вагнером валлийца.

Хотя Терфель был удостоен специальной премии за исполнение песен Шумана, позже он великодушно признался, что рассматривал это как "вторую премию после прекрасного русского баритона" и что, когда он впервые услышал пение

Хворостовского, он "готов был первым записаться в клуб его поклонников. Это невероятно".

"Я БЫЛ НАСТОЛЬКО ГЛУП, ЧТО ВКЛЮЧИЛ РАДИО И СЛУШАЛ ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЕ"

Сам Хворостовский признался, что слушание Терфеля в финале не помогло ему самому. "Я был настолько глуп, что включил радио и слушал его выступление", - вспоминал он в 2003 году. "Это не пошло мне на пользу, так как заставило меня сильно нервничать".

Не так уж и нервничал, учитывая последующее выступление. Как вспоминает Брайан Макмастер, бывший управляющий директор Уэльской национальной оперы и член жюри конкурса "Кардиффский певец": "Те, кому посчастливилось быть в зале в этот вечер, никогда его не забудут. Это был потрясающий вечер". Настолько потрясающий, что соперницы баритонов по финалу, меццо Моника Груп и сопрано Хиллеви Мартинпелто - обе певицы мирового класса – редко упоминаются в истории кардиффского конкурса больше чем упоминания.

Перевод Н.Тимофеевой

Дмитрий Хворостовский в Мирной Прессе

